

A movie poster featuring a man and a woman. The man is on the left, wearing a dark suit and a light blue shirt, looking intensely at the camera. The woman is on the right, wearing a dark, off-the-shoulder dress and a teardrop earring, looking slightly away from the camera. The background is a dark, cracked glass effect, with a city skyline visible in the distance. The text 'Вера Вольф' is centered in the middle, and 'Хрупкий лёд' is at the bottom in large, bold letters.

Вера Вольф

**Хрупкий
лёд**

Империя Соболевых

Вера Вольф

Хрупкий лёд

«Автор»

2026

Вольф В.

Хрупкий лёд / В. Вольф — «Автор», 2026 — (Империя Соболевых)

Иллюзия безопасности рассыпалась в один миг. Мы с Денисом наконец обрели дом, семью и то хрупкое счастье, за которое пришлось заплатить слишком дорого, но прошлое не отпускает нас так легко. Это вторая книга серии «Империя Соболевых» — продолжение истории о любви, предательстве и цене, которую приходится платить за право защитить тех, кого любишь. Теперь на кону не только наши чувства, но и жизнь нашего сына. Старые враги возвращаются, чтобы забрать свое, а вместе с ними приходит новая угроза, от которой не спрятаться даже за высокими заборами и охраной. Когда каждый шаг может стать ловушкой, а доверие — роскошью, хрупкий лёд под ногами трещит все сильнее. Мне придется выбрать: спасти семью или снова утонуть в прошлом, которое давно должно было остаться позади.

© Вольф В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последствия ночи	5
Глава 2. Слишком идеальное утро	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вера Вольф

Хрупкий лёд

Глава 1. Последствия ночи

Тишина загородного дома больше не лечила — она давила на барабанные перепонки, звенела в ушах натянутой струной. На Рублевке ад был ледяным, за высоким забором, где ворота захлопывались с глухим металлическим стоном, точно челюсти капкана. Этот особняк, спрятанный среди сосен, Денис выбирал сам. Настаивал на глухом периметре, строил из него крепость, где старые грехи его отца должны были потерять наш след. Наш тихий, выстрадавший угол, за безопасность в котором мы заплатили слишком высокую цену.

Я прижалась лбом к паноманному стеклу кухни. От его ледяной поверхности ныла кость, но этот холод был единственным, что удерживало меня в сознании. Стекло мгновенно покрылось серым пятном пара от моего рваного дыхания. Пальцы, прижатые к животу сквозь тонкую ткань халата, затекли и покалывали. Сын замер. Шёл пятый месяц, обычно в эти часы он мягко, лениво толкался изнутри, требуя, чтобы я прошла или выпила теплого молока, но сейчас он словно сжался в тугий комок, уловив, как ходит ходуном моя грудная клетка.

На кухне пахло горькой перечной мятой от остывшего за ночь чайника и сыростью — из приоткрытой фрамуги тянуло мокрой хвоей и предрассветным туманом, который сожрал сосновые стволы за окном.

В правой руке я сжимала крафтовый конверт. Плотный, шершавый, пахнущий чужой машиной и уличной сыростью. На нем не было ни адреса, ни марок. Полчаса назад я нашла его на деревянном настиле крыльца, когда вышла в одних тапочках, чтобы унять подступившую тошноту. Он лежал у самых ворот — тяжелых, черных, кованые пики которых до тошноты походили на ограду в доме Виктора Соболева. Начальник охраны вчера уверял Дениса, что датчики движения перенастроены и мышь не проскочит. Но конверт лежал.

Внутри — один глянцевый снимок.

Я скользнула взглядом по краю карточки, и в горле встал сухой, царапающий комок. Мама. Снимок сделали вчера, судя по дате на электронном табло автобусной остановки позади нее. Она шла по тротуару в своем маленьком городке, куда Денис перевез ее под чужим именем. Ирина улыбалась — той самой редкой, беззащитной улыбкой, от которой у нее собирались мелкие лучики морщинок у глаз. В руках она держала пластиковый пакет с пучками зелени, полы пальто были растрепаны ветром. Она верила, что кошмар закончился. Думала, что Соболевы забыли о нашем существовании.

Я перевернула фотографию. На обороте размашистым, безупречно аккуратным почерком было выведено: *«Кровь Соболевых не разбавить сосновым воздухом. Я наблюдаю».*

Кожу на поясице стянуло ледяным обручем. Виктор не прислал наемников. Он не стал взрывать машины Дениса на выезде из поселка. Физическая расправа — слишком просто для человека, который десятилетиями ломал людей ради спортивного интереса. Он бил тоньше — по швам. По тому хрупкому доверию, которое мы с Денисом пытались сшить из лоскутов после пяти лет разлуки и ненависти.

«Я наблюдаю». Он знал всё. О сыне внутри меня, о наших постах охраны, о новом паспорте мамы.

Сверху, со второго этажа, донесся тяжелый, мерный шаг. Скрипнула половица в коридоре у лестницы.

Денис.

Паника ударила в виски острой, горячей иглой. Если он увидит этот снимок, наш дом сгорит. Его собственнический инстинкт, та темная, контролирующая одержимость, которую он сдерживал ради меня последние месяцы, вырвется наружу. Его переклинит. Он превратится в прежнего безумца: запрет меня в спальне, выставит армию у ворот, сожжет этот поселок дотла, лишь бы ликвидировать угрозу. Я не могла допустить, чтобы он снова стал тем монстром, от которого я бежала. Не сейчас, когда во мне растет его копия.

Я бросилась в гостиную, путаясь в длинном подоле халата. Ноги были ватными, не слушались. Опустившись на колени перед комодом, я рванула крышку деревянной шкатулки. Пальцы соскользнули, крафтовая бумага зашуршала слишком громко в утренней пустоте дома.

На бархатное дно я иногда ложилась браслет ласточки с отбитым правым крылом — единственное, что я забрала из своей прошлой жизни. Я приподняла ткань двойного дна, сунула конверт под пачку старых документов и с тихим, сухим дребезгом накрыла его тяжелой фигуркой.

В груди стучало так, что перед глазами пошли серые пятна. Я опустила крышку шкатулки в ту секунду, когда тяжелая тень Дениса перекрыла свет из коридора.

— Майя? Почему ты не в постели?

Низкий, хриплый после сна голос заставил меня сжать зубы, чтобы они не застучали. Я поднялась, судорожно разглаживая ладонями ткань халата на бедрах, и повернулась, удерживая на лице маску спокойствия.

Денис стоял у нижней ступени. Без своего привычного бронезилета из дорогого костюма-тройки, без галстука и тяжелых часов на запястье. В простой серой футболке, обтягивающей мощные плечи, и спортивных брюках он выглядел домашним, неопасным. От его кожи пахло постельным теплом и мылом с нотами кедра.

Он подошел со спины — бесшумно, как хищник на своей территории. Его ладони — широкие, обжигающе горячие после сна — легли на мою талию, а затем медленно скользнули вперед, накрывая низ живота. Денис прижался грудью к моей спине, уткнувшись носом в изгиб шеи.

— Опять сбежала, — тихо проворчал он, коснувшись губами кожи за ухом. — Я просыпаюсь, а простыня на твоей половине холодная. Не делай так, Майя. Мне нужно открывать глаза и чувствовать, что ты здесь. Моя.

Контраст между его тяжелыми, защищающими ладонями и ложью, которую я только что заперла под птицей, отозвался резкой физической судорогой в желудке. Он строил для нас броню, отдавал холдингу все силы, чтобы обеспечить этот покой. А я уже лгала ему, чтобы эта броня не раздавила нас обоих.

Под его ладонью сын слабо, едва заметно шевельнулся. Денис замер. Я почувствовала, как мгновенно напряглось его тело, как он затаил дыхание, ловя этот микро-сигнал. Его огромные руки, которыми он ломал карьеры и подписывал безжалостные контракты в Сити, сейчас едва касались моей кожи, словно боялись повредить хрусталь.

Идиллия закончилась через секунду.

Денис был слишком подозрителен. Годы войны с Виктором Соболевым выжили в нем способность верить на слово. Его пальцы на моем животе дрогнули — он перехватил мою внутреннюю дрожь. Почувствовал, какими каменными, чужими стали мои плечи под его подбородком.

Он резко развернул меня к себе за плечи. Его светло-серые глаза опасно сузились, зрачки расширились, почти съедая радужку. Твердый, оценивающий взгляд прошелся по моему лицу, задержавшись на искусанной нижней губе.

— Майя, — в его голосе прорезались те самые жесткие, властные нотки, от которых у меня когда-то подкашивались колени в его кабинете на Рублевке. — Посмотри на меня.

Я заставила себя поднять глаза, сжимая пальцы в кулаки за спиной.

— Что случилось? — Он перехватил мои запястья, фиксируя их на месте. Его хватка была похожа на тиски — не больно, но сдвинуться невозможно. — Руки ледяные. Тебя колотит. Что с ребенком? Говори.

В его глазах на долю секунды промелькнул чистый, первобытный страх потери. Но следом за ним поднялась мутная, темная волна. Его собственнический инстинкт взвился на дыбы — он уловил, что я боюсь не физической боли. Мой взгляд метался. Я скрывала что-то, что производило прямо сейчас, на его территории.

— Всё хорошо, Денис, — я попыталась высвободить кисти, но он лишь крепче сжал пальцы. Тогда я просто прижалась лбом к его груди, чувствуя, как тяжело и ровно бьется его сердце через тонкий хлопок футболки. — Правда. Малыш в порядке, он только что толкался, ты же сам чувствовал. Всё нормально.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебя поймали на месте преступления? — Он сделал шаг вперед, вжимая меня бедрами в край комода. Воздух между нами стал горячим, удушливым, мне перестало хватать кислорода. — Что ты делала у окна, Майя? Почему ты караулишь рассвет?

— Сон, — выдохнула я в его ключицу, чувствуя, как пересохло во рту. — Приснился кошмар. Тяжелый, душный сон про про ту зиму. Врач же предупреждал, что во втором триместре из-за гормонов бывает беспричинная тревожность. Голова закружилась, я вышла на кухню, чтобы умыться холодной водой и подышать. Всё в порядке, Денис.

Денис смотрел на меня в упор, не мигая. Его челюсти сжались так, что на щеках проступили острые желваки. Он ненавидел секреты — для него любая недосказанность со мной пахла предательством, возвращая его в те пять лет, когда он считал, что я бросила его. Старый Денис уже перевернул бы этот дом вверх дном, заставил бы охрану поднять записи камер. Но сейчас он держал своего внутреннего демона на коротком поводке, тяжело дыша мне в макушку. Он обещал, что всё будет по-другому.

— Кошмар, — тихо повторил он, ведя костяшкой пальца по моей скуле. Прикосновение было жестким. — Ладно. Я сделаю вид, что поверил. Но если я узнаю, Майя если я узнаю, что ты опять ведешь со мной двойную игру и что-то прячешь Тебе очень не понравится результат. Я не посмотрю на твое положение.

Угроза осталась висеть между нами, тяжелая, липкая. Хрупкий лед под нашими ногами дал глубокую продольную трещину.

Через час Денис уже застегивал манжеты рубашки перед большим зеркалом в прихожей. Домашний парень исчез — вернулся холодный, расчетливый СЕО «Империи Соболевых», пахнущий дорогим парфюмом с нотами табака и кожи. Но в зеркале я видела его взгляд: тяжелый, буравящий мою спину, пока я брала ему ключи от машины.

Он подошел ко мне вплотную перед самой дверью. Его ладонь резко легла на мой затылок, пальцы жестко перебрали волосы у корней и потянули их вниз, заставляя закинуть голову.

Поцеловал меня. Глубоко, с силой, вжимая свои губы в мои так, что я почувствовала легкий солоноватый вкус собственной крови на языке — он поймал трещинку на моей губе. Это был не поцелуй любви или нежности — это была маркировка собственности перед выходом на охоту. В нем горела его ревность, его подозрение, которое он не смог заглушить никакими моими оправданиями про гормоны.

— Из дома ни шагу, — выдохнул он мне в самые губы, неохотно отпуская мои волосы. Его глаза потемнели до состояния грозового неба. — Охране я сейчас устраю разнос на КПП. Если узнаю, что ты выходила за пределы крыльца — посажу под замок в спальне. Сама знаешь, я могу.

Рокот его двенадцатицилиндрового мотора за окном стих быстро, растворившись в тумане. В доме выключились все звуки, остался только свист воздуха в моих легких и слабый

запах бензинового выхлопа, затянутый через открытую дверь прихожей. Колени окончательно ослабли, и я просто сползла по гладкому кафелю стены на пол, обхватив руками ноги.

Я вытащила из кармана халата телефон. Пальцы оставили на экране серые влажные следы. Набрала маму.

Один гудок. Второй. На третьем — короткий, сухой щелчок. Вызов сбросили. Она никогда так не делала. Даже если была на приеме у врача или в магазине, она всегда присылала короткое шаблонное «перезвоню позже».

Прежде чем я успела нажать кнопку повтора, трубка в кулаке мелко задрожала. Короткий вибросигнал прозвучал как щелчок взводимого курка в пустой комнате. На дисплее выскочило СМС-сообщение с незнакомого короткого номера.

«Умница. Заботься о маме. Ей так идет улыбка, не находишь?»

Пальцы ослабли сами собой. Телефон с глухим стуком упал на плитку, экран треснул в правом углу, пустив по защитному стеклу тонкую, уродливую паутину.

Виктор Соболев вернулся. И он бил не по телу — он бил по швам, которыми мы с трудом сшили нашу жизнь.

Глава 2. Слишком идеальное утро

Шорох шин по гравию у ворот заставил меня подскочить. Сердце взлетело к горлу, когда тяжелая дверь прихожей открылась, впуская порцию холодного воздуха.

В дом влетела мама.

Я не видела её такой со времен до Рублевки. Даже в те редкие недели, когда Виктор Соболев милостиво разрешал ей улыбаться за общим обедом, в её глазах жил застарелый серый страх. Сейчас его не было. Ирина светилась изнутри, точно в груди включили мощную лампу. Щёки покрывал яркий, здоровый румянец от утренней свежести, плечи были расправлены, исчезла привычная сутулость. На ней было новое кашемировое пальто цвета овсянки — я сама выбирала его три недели назад, надеясь вернуть ей вкус к жизни, выбить из нее этот вечный серый цвет.

— Майечка! Ты не спишь? Боже, какая на улице красота, туман рассеивается, сосны стоят как в сказке! — её голос звенел, в нем не осталось надтреснутой хрипоты, которая пугала меня во время её депрессии.

В руках она держала огромную, пахнущую сырой землей и горьким соком охапку осенних астр и веток эвкалипта. От мамы тянуло легким лавандовым парфюмом, полностью вытеснившим тяжелый запах успокоительных капель, который годами преследовал её спальню.

— Посмотри, что я привезла! — она подбежала ко мне, опустила букет на кухонный остров, заставив хрустнуть сухие нижние листья, и крепко обняла меня за плечи. — Олег Петрович помог срезать в оранжерее. Сказал, что для твоей гостиной они подойдут идеально.

При имени «Олег Петрович» внутри словно провернулся колючий провод. Я замерла в её объятиях, чувствуя, как тело снова становится деревянным, сопротивляясь чужому теплу.

— Олег Петрович? — тихо, стараясь удерживать голос в пределах ровной интонации, переспросила я. — Руководитель твоих курсов ландшафтного дизайна?

— Да, он самый! — Мама отстранилась, её глаза блестели совершенно девичьим, восторженным блеском. Она принялась суетливо искать вазу, перебирая стебли, пальцы её мелко подрагивали от возбуждения. — Майя, он потрясающий человек. Настоящий профессионал. Ты бы видела, какие проекты зимних садов он создает! Сегодня перед занятиями он уделил мне целый час. Представляешь? Мы разбирали мою схему альпийской горки для нашего участка. Он так галантно скорректировал углы освещения, сказал, что у меня врожденное чувство пространства. А потом потом он увидел, что я опасаюсь опоздать на автобус из-за тумана, и просто довез меня до самого поселка. На своей машине. Представляешь, какой внимательный мужчина?

Каждое слово падал тяжелым кирпичом, вышибая воздух из легких.

Довез до самого поселка. Через посты охраны. В закрытый сектор, куда чужакам вход был закрыт, если только их номера не вносил в базу лично Денис. Или если этот человек не имел ключей от всех дверей, которые штамповал Виктор Соболев.

Я смотрела на маму, на её оживленное лицо, на то, как бережно её пальцы касались лепестков, и внутри всё выло от боли. Перед моими глазами стоял глянец фотографии, спрятанной под фарфоровой ласточкой. Снимок, сделанный вчера. На нем мама шла по этой же улице, улыбаясь. Снимок, который прислал Виктор с припиской: *«Ей так идет улыбка, не находишь?»*

Олег Петрович не был случайным мужчиной. Он не был просто преподавателем ботаники. Это была ювелирная, точная посадка Виктора. Мой бывший свекор не менял методов: он находил слабые места, изучал дефициты жертвы и вливал туда сладкий яд. Мама истосковалась по мужскому вниманию, по уважению, по нормальной человеческой заботе без насилия.

И Виктор дал ей это. Идеологически правильного, понимающего Олега Петровича, который подвез её прямо к нашему порогу.

Мне хотелось схватить её за плечи. Тряхнуть со всей силы. Закричать: «Мама, очнись! Тебя ведут на убой! Этот человек — шпион Виктора, он считает твои шаги!»

Но я смотрела на её расправленные плечи, на этот живой румянец, на то, как она впервые за столько лет перестала вздрагивать от каждого шороха, и язык примерзал к нёбу. Если я скажу ей правду сейчас — я убью её. Её психика, едва собранная из осколков терапевтами, просто не выдержит второго круга ада. Она снова сломается. Рухнет в ту черную пропасть депрессии, откуда мы вытаскивали её почти год. Виктор знал это. Он запер меня в идеальный капкан: цена маминого счастья — моё молчание.

— Майя? Что с тобой? Ты меня совсем не слышишь, — восторженный монолог мамы оборвался. Она замерла с веткой эвкалипта в руках, всматриваясь в моё лицо. На её лоб вернулась знакомая тревожная складка. — Ты бледная. Опять утренняя тошнота?

Я судорожно сглотнула, заставляя мышцы лица расслабиться.

— Нет, мам, всё хорошо. Просто задумалась. Цветы правда очень красивые. Олег Петрович действительно кажется очень внимательным.

Мама облегченно вздохнула, сделала шаг ко мне и мягко, обжигающе горячей ладонью коснулась моего живота сквозь шелковистый халат. Этот жест был таким родным, что у меня защемило в носу от подступающих слез.

— Денис так заботится о тебе, Майечка, — тихо произнесла она, поглаживая ткань халата. — Я вижу, как он смотрит на тебя. Как ловит каждое твое движение. Я так рада, что весь этот кошмар, вся эта рублевская грязь остались позади. Вы смогли пройти через это. У моего внука будет настоящий, любящий отец и спокойный дом. Господи, я каждый день молюсь за вас с Денисом.

Каждое слово резало по живому. Она радовалась, что всё позади. Она верила в безопасность этого дома. Она благословляла мужчину, от которого я только что скрыла самую страшную тайну, способную вернуть его в состояние агрессивного безумия.

Я не могла сказать ей правду. Но и сидеть сложа руки я тоже не собиралась. Во мне росла кровь Соболевых — пусть и не по рождению, но за годы жизни в их доме я научилась их методам. Защитить маму тайно, не разрушая её иллюзию счастья, — вот что я должна сделать.

Мои старые журналистские навыки никуда не исчезли. Профессиональная деформация — это навсегда. Я найду всё на этого Олега Петровича. Пробью его связи, его счета, его прошлое. Если он шпион Виктора — я найду зацепку быстрее, чем Денис успеет заметить трещину в моем поведении.

— Да, мам. Всё позади, — солгала я, целуя её в мягкую щеку. — Иди в сад, примерь свои новые задумки. А я пойду немного прилягу. Гормоны действительно дают о себе знать.

Мама закивала, её лицо разгладилось. Подхватив металлический секатор, отливающий холодным блеском, она быстрой походкой вышла через террасу в глубину участка.

Я осталась одна на огромной кухне.

В кармане халата коротко завибрировал телефон. Я вытащила его, дисплей слабо мерцал, царапая кожу. На экране горело уведомление от мобильного банка.

«Зачисление: 5 000 000 руб. От: Денис В. Комментарий: На любые капризы моей ласточки. Береги себя и сына».

Пять миллионов. Классический жест Дениса Соболева — залить деньгами свою внутреннюю тревогу, попытаться купить мою безопасность, компенсировать ту подозрительность, которая осталась между нами после утреннего разговора. Он чувствовал фальшь, и его реакцией была демонстрация силы. Он пытался привязать меня к себе золотыми цепями еще крепче.

Экран перекрыл входящий вызов. Игорь — начальник личной охраны нашего дома, верный пес Дениса.

Я нажала на кнопку приема.

— Да, Игорь.

— Майя Викторовна, доброе утро, — голос начальника охраны был сухим, в нем звенела армейская сталь. — Денис Викторович звонил три минуты назад. Поступило личное распоряжение по периметру. Мы затягиваем гайки.

У меня перехватило дыхание.

— Что это значит?

— Через полчаса к воротам прибывает дополнительная бригада СБ холдинга «Империя Соболевых» со специальным допуском. Мы полностью меняем протокол внешнего контроля. Датчики движения дублируются, вводится сквозное патрулирование зоны. Денис Викторович приказал блокировать любые несанкционированные посещения. Из дома и в дом — только по его личному подтверждению. Даже для обслуживающего персонала. Извините, Майя Викторовна, но приказ жесткий. Дом переводится в режим крепости.

Я медленно опустила руку с телефоном. Короткие гудки отбоя стучали в моей голове как удары метронома.

Крепость. Денис затягивал гайки безопасности, превращая наш тихий сосновый рай в самую настоящую тюрьму под предлогом защиты гнезда. Его подозрительность переросла в действие. И теперь, когда периметр заблокируют его цепные псы, моё независимое журналистское расследование становилось практически невыполнимой задачей. Информационный вакуум вокруг меня сжимался, и я оказывалась заперта между двумя самыми опасными мужчинами в моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.